

Мери Ли

КВЕНТА.

Остров избранных

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Квента

Мери Ли

Квента. Остров Избранных

«Автор»

2021

Мери Ли

Квента. Остров Избранных / Мери Ли — «Автор»,
2021 — (Квента)

ISBN 978-5-532-91490-2

Один остров. Два корабля. Пятьдесят девять противников. Джорджина Джонс оказалась одной из тех, чья жизнь имеет большую ценность, но в то же время не стоит ни цента. Чтобы выжить в новых реалиях, Джо придется познакомиться с другой, более темной частью себя. Новые условия, но задача остаётся прежней — выжить любой ценой. Без союзников ей не выйти победителем из кровавой игры сумасшедшего фанатика. Сможет ли Джо довериться тем, кто уже однажды предал её? И на какие жертвы ей придется пойти, чтобы спасти не только себя, но и того, кто никогда не был для нее врагом?

ISBN 978-5-532-91490-2

© Мери Ли, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	6
Глава третья	10
Глава четвертая	16
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мери Ли

Квента. Остров Избранных

Глава первая

Седьмого июня две тысячи двадцать первого года практически в одно время, около двадцати ноль ноль, к таинственному острову пришвартовались два корабля. На одном находились Джорджина Джонс, Рэйлан Бейкер, Гаррет Уорд, Челси Хилл, Дерек Холидей, Коди Блум и ещё двадцать четыре человека. Их всех объединило одно – в разный промежуток времени каждый из них доходил до Центра Всего. И если тогда они могли посчитать себя счастливыми, то сейчас о них этого не скажешь.

Они – те, чья жизнь имеет большую ценность, но в то же время не стоит ни цента.

На другом корабле прибыло также тридцать человек, закрытых в контейнерах. Но тех людей не нужно было отлавливать и насильно везти на остров. Они были добровольцами, те, кто жаждут свободы и денег, те, кто были приговорены на пожизненное заключение за самые отвратительные поступки в мире, те, кто никогда не должны были покинуть камер смертников.

Один остров. Два корабля. Шестьдесят человек.

Дэвид Дельгадо – тот, кого Джорджина Джонс именovala просто Доктор, испытывал шквал эмоций, но не мог позволить себе показать их. В нем кипело предвкушение, оно готово вылиться через край, но мужчина держал себя в руках.

Дэвид Дельгадо – лицо всего происходящего. Он первым ступил на остров, которому сам же восемь лет назад дал имя – Остров Избранных. Все восемь лет он готовил это место, продумывал каждую мелочь, искал подходящих персонажей и инвесторов. Он нашел все ингредиенты для своей мечты.

Мистер Дельгадо давно шел к этому, и вот, момент настал. Шестьдесят избранных уже здесь. Всё готово, осталась пара нюансов, и он докажет, что фамилия Дельгадо значит куда больше, чем мог надеяться его отец. Его отец... Дэвид очень часто вспоминает старика. Хотя желает выкинуть его из своих мыслей, но призрак отца не дает ему покоя ни ночью, ни днем. Но он должен отдать старику должное, если бы не он, то никакого Куба, Центра Всего и быть не могло бы, а следовательно, и Остров Избранных не появился бы... даже в мыслях Дельгадо-младшего.

Дэвид стоял в отдалении от разгрузочной зоны, наблюдал, как сотни людей, предоставленных одним очень влиятельным человеком, снуют туда и обратно. Терпеливо дождавшись, пока четыре контейнера не опустят на белоснежный песок. В двух контейнерах была абсолютная тишина, там находятся заключенные, которые предвкушают начало игры и дальнейшей свободы. А из двух других контейнеров разносились стуки, крики, плач и просьбы о помощи. "Молодые глупцы, они ещё не понимают, какая удача выпала на их долю" – именно так думал мистер Дельгадо. Он искренне верил, что персонажи должны быть благодарны, за предоставленную возможность.

Шестьдесят героев нового и бесконечно важного проекта.

Он дождался, пока откроют первый контейнер, забросят туда усыпляющий газ и спустя три минуты откроют его вновь. Дэвид провожал взглядом, как одного за другим плененных людей увозили вглубь острова. И как только последний персонаж покинул берег Острова Избранных, Дельгадо позволил себе развернуться и легкой походкой войти в райское место, которое через несколько часов превратится в ад.

Глава вторая

Мерное покачивание. Прохлада поверхности, на которой я лежу. Темный, практически непроглядный мрак вокруг.

Меня поймали. Я не была параноиком, я чувствовала, что что-то произойдет, и вот, то, чего я боялась... случилось.

Несколько минут уходит на то, чтобы вспомнить всё, что произошло. Подготовка к дню рождения, прогулка до дома Рэйлана Бейкера, встреча с ним и погоня от неизвестных. Удивительное появление Гаррета, не менее удивительная помощь от него. Недолгая погоня, и мышки попались. Меня усыпили в машине Гаррета, а дальше темнота.

Голова ещё ватная, во рту пересохло. Прохлада металла приводит в чувство. Молча шарю руками вокруг себя и нахожу чью-то обездвиженную руку. Отдергиваю свою и пытаюсь вглядываться в темноту... и различаю очертания людей. Кто-то лежит в неудобной позе, кто-то сидит. Сердце набирает обороты, пытаюсь встать, но тут же падаю назад с громким звуком. Вокруг моего торса находится что-то вроде большого наручника, который прикован к металлической стене позади меня. Подсовываю большие пальцы под металлический обруч и начинаю спускать его вниз.

– Я бы не советовал.

От голоса Гаррета вздрагиваю и оборачиваюсь вправо. Откинувшись спиной на стену и согнув одну ногу в колене, парень сидит прямо возле меня.

– Почему это? – спрашиваю я.

– Там иглы, которые появятся сразу, как только ты попытаешься снять обруч. Чем дальше будешь его толкать, тем больше иглы будут вонзаться в твоё тело.

Кошусь на обруч. Наручники на такое неспособны, возможно, поводки для особо свирепых и опасных животных, например, людей. Например, меня? Возвращаю взгляд к очертанию Гаррета и задаю следующий вопрос:

– Откуда знаешь?

– Попробовал тут недавно. – немного зло отвечает он.

– Ясно. – всё же пытаюсь опустить обруч вниз, и тут же по всему периметру круга появляются иглы. Небольшой укол, и я прекращаю.

– Хм. – звук от Гаррета.

Не собираюсь объяснять ему, что я должна была сама убедиться в правдивости его слов. Больше я не совершу ошибки, поверив кому бы то ни было. Тем более ему.

Стоя в покачивающемся прямоугольнике, ловлю себя на мысли, что наш диалог так спокоен и тих, словно мы не находимся в ловушке. Словно нам ничего не угрожает. Сажусь рядом с Гарретом и молчу. Я чувствовала, что что-то произойдет. Я знала. Я, чёрт возьми, знала это! И ничего не сделала. Могла бы...

Что я могла сделать? Идти в полицию и сказать, что недавно пришла в себя после комы и путешествия в полу-загробном мире? Что за мной следят? (допустим об этом я могла сообщить). Что доктор – не доктор? Что я могла сделать?

Думать об этом глупо. Ведь я ничего не сделала, чтобы предотвратить это. Где-то внутри я надеялась, что просто схожу с ума и со мной ничего плохого не произойдет. Лишнее доказательство того, что надежда – это глупость. Я на удивление спокойна, больше ужасного обруча меня беспокоит звук воды за стенами заточения.

Вода. Ненавижу открытую воду.

Я так и не научилась плавать.

Вглядываюсь в очертания людей, Рэй должен быть здесь. Не замечаю, как спирает дыхание, когда нахожу его лежащим на другой стороне, прямо напротив меня. Встаю, но подойти к

нему не могу. Цепь слишком коротка. Он жив вообще? Рядом с ним находится девушка, она тихо плачет.

– Эй? – зову её я.

Она ещё ближе поджимает к себе ноги и молчит. Пытаюсь ещё раз дотянуться до Рэя, но между нами больше метра. Спицы впиваются в живот, бока и спину. Черт! Мне точно не дотянуться до него. Тут же признаюсь сама себе: "Я беспокоюсь". Так сильно, что зубы сжимаются до скрипа, а ногти впиваются в ладони.

– Эй? – снова зову девушку, по очертанию вижу, что она повернулась в мою сторону. – Не могла бы ты прощупать пульс у парня рядом с тобой? – как можно более милым голосом прошу я, а внутри носится маленькая Джо и рвет на голове волосы с воплем: "Да твою мать! Проверь пульс!!!".

Опять тишина.

Ещё одна девушка лежит рядом с Рэем, она тоже без сознания. Кроме плаксы до него никто не дотянется.

– Э-э-эй! – перехожу я на крик. – Проверь парня!

Девушка смотрит на меня, я не вижу её глаза, но чувствую испуганный взгляд. Смотрит не только она, а как минимум семь пар глаз, пришедших в себя пленных. Если девушка труслива, то воспользуюсь этим. Набираю побольше воздуха в легкие и медленно, но грозно говорю:

– Я сказала, проверь парня.

– Не буду. – пищит она.

– Я тебе голову сверну. – и в данный момент я готова это сделать.

– Не сможешь. – плач. – Нас похитили и приковали. – всхлип. – Ты не дотянешься до меня.

Необъяснимая злость и ещё менее необъяснимый страх за Рэя (который, между прочим, застрелил меня, но сейчас это уходит на самый дальний план) меняют мой голос до неузнаваемости:

– Если ты... не проверишь пульс у парня рядом с тобой, первым делом, как с меня снимут чудо-обруч, я разорву тебя на...

Она решила не слушать мою напускную тираду до конца и приложила пальцы к шее Рэя. Вдыхаю как можно больше воздуха и не могу выдохнуть, пока девушка не скажет мне, что Рэй жив.

Секунда, вторая.

Голос девушки из мрака:

– Дышит он.

На мгновение прикрываю глаза, протяжно выдыхаю и искренне говорю:

– Спасибо.

Возвращаюсь к Гаррету, сажусь рядом, оборачиваюсь и говорю:

– Рассказывай.

– Может не здесь? – шепчет он.

– А где тогда?

Гаррет наклоняется ко мне, я от него. Парень ловит меня за руку, не давая отодвинуться ещё дальше, и шепчет на ухо:

– Очень много посторонних ушей.

В тишине, под тихое скуление девушки, мы продолжаем плыть. Один за другим люди приходят в себя. Двое, как я поняла, знакомы, тихо шепчась сидят в самом углу контейнера, в котором мы находимся. Один парень кричит, долбясь в металлический лист, от этого всеобщая нервозность только возрастает, а девушка начинает плакать ещё сильнее.

Прислоняюсь затылком к прохладному металлу, замечаю, что на самом верху есть сквозные отверстия, небольшие, примерно с кружку. Это, видимо, для того, чтобы мы не задохнулись здесь. Именно из-за этих дыр я могу кое-что видеть.

– Умолкни! – кричит мужской голос. Не знаю, к кому именно он обращается, к плачущей девушке или к истеряющему парню. Но я солидарна с этим "умолкни". Контейнер и так давит на нервы, мне вообще кажется, что он становится меньше, его стены словно съезжаются в центр и скоро сделают из нас отменную кровавую лепешку.

Шарканье возле плачущей девушки привлекают моё внимание. Опускаю взгляд на пол и молча наблюдаю, как мой "убийца" поднимается на руках, словно собрался отжиматься.

Рэй пришел в себя.

Моё сердце предательски задрожало.

Он сел у противоположной стены и, не отрывая от меня взгляда, пытался снять обруч. Я по-прежнему не вижу его глаз, но физически чувствую, как серо-зеленые глаза впились в мой силуэт. Не дожидаясь, когда Рэй поранит себя, Гаррет говорит:

– Это ты зря. Только покалечишь себя, а нам нужны силы.

– Для чего? – спрашивает Рэй. Его голос заставляет меня отвернуться, несмотря на все мои переживания касаясь его персоны, я всё ещё зла. Все чувства в отношении Рэйлана Бейкера в полнейшем раздразне. Я одновременно рада, что он жив, и готова убить его своими руками.

– Для того, что ждет нас по прибытию. – отвечает Гаррет, используя тон учитель-ученик.

– А что нас ждет? – спрашивает плачущая девушка.

– Я... не знаю. – отвечает Гаррет более серьезно.

– Куда мы прибудем? – знакомый голос справа.

– О, Челси, и ты здесь? – спрашивает Гаррет.

– Я-то здесь, а ты кто такой? – интересуется она с сочащейся стервозностью в голосе.

– То, что ты меня забыла, – непростительно. – говорит Гаррет.

В помещении становится прохладнее и громче. Теперь не один парень стучится в стену, их четверо. Каждую секунду я жду, что контейнер откроется, и мы все пожалеем об этом. Я бы не хотела видеть тех, кто нас запер. Но паника, наводимая глупцами, поселяется и во мне. Нервно жую губы и решаюсь переключить внимание на человека, который явно знает больше меня.

– Ты помнишь *тот* мир? – спрашиваю я у Гаррета.

– То, как ты зарезала меня. О, детка, это было незабываемо. – с истинным наслаждением отвечает он.

Пропускаю его "детку" мимо себя и задаю следующий вопрос:

– Почему ты помнишь, а Челси нет?

Гаррет молчит, и только я открываю рот, чтобы задать вопрос ещё раз, он начинает говорить:

– Кто-то отправился в Центр Всего добровольно, они знали, что их ждет, кто-то попал туда "случайно", и они не помнят того, что произошло.

– И ты был добровольцем?

Лойс и Челси не были добровольцами. А вот Рэй... снова бросаю на него взгляд, но быстро возвращаю его к Гаррету.

– Да. – отвечает он.

Идиот.

– Мне было интересно.

– А мне – нет. – в сотый раз осматривая всё вокруг себя, спрашиваю, боясь услышать ответ. – Что это за место? Центр Всего?

– Нет. – со смешком отвечает Гаррет.

Услышав крики за пределами нашей темницы, все моментально притихли. Люди говорят на иностранном языке, это что, китайский? Что-то громко ударилось о верх контейнера. Ещё раз, ещё и ещё. Очередной крик снаружи и всеобщий вскрик внутри. Нас поднимают. Хватаюсь за руку Гаррета. Страх. Сейчас всё начнется.

Новое место.

Новая опасность.

Новые враги.

Контейнер резко куда-то опустили, буквально через пять секунд открылась крышка, и внутрь прилетела уже знакомая мне "сонная" граната. Люк закрылся. Отпускаю руку Гаррета и стараюсь закрыть лицо подолом майки, но это не спасает от газа, проникающего в мои легкие. Падаю на колени и последнее, что слышу, зовущий голос Рэя.

Или мне это просто привиделось.

Еле разлепляю веки. Так светло, что я тут же закрываю глаза обратно. Слышу только своё ровное дыхание.

Снова открываю глаза.

Люди. Их много, и они все в белом, на лицах медицинские маски. Закрываю глаза.

Открываю глаза. Лежу лицом вниз, чувствую, что кто-то трогает мои волосы.

Закрываю глаза.

Открываю глаза. Белоснежная плитка. Здесь очень стерильно. Не чувствую запахов, ничего не слышу, ничего не понимаю, находясь в прострации.

Закрываю глаза.

В следующий раз, когда я открою глаза, то пойму, что нахожусь в каком-то ангаре, в маленькой клетке, не больше метра на метр. Таких клеток я насчитаю ровно тридцать, и в каждой из них будет по одному человеку. Потом я обнаружу, что одета в черный плотный костюм и военные ботинки. На лице у меня будет странное металлическое сооружение, вроде маски, оно не позволит мне произнести ни единого слова. Так же найду возле клетки маленькую бутылку воды, но так и не решусь сделать и глотка. Сначала не решусь, но жажда добьет меня, и я, высунув руку, дотянусь до живительной воды. Возьму бутылку и долго буду сжимать её в ладонях, ровно до того момента, пока девушка из соседней клетки не сделает несколько глотков, пролив половину на идентичный моему костюм. Я подожду около минуты и выпью половину бутылки разом.

Я буду пытаться найти глазами знакомые лица, но увижу только Коди, находящегося от меня через клетку.

Я буду пытаться выбраться из металлической западни, но ничего не выйдет.

Слабая головная боль заставит меня прикоснуться к затылку и обнаружить там свежий шрам. "Что со мной сделали? Что они сделали с моей головой!?" – эти мысли унесут меня в слабые воспоминания белого стерильного места.

А потом придет он.

Доктор.

И новая лавина страха унесет меня в омут отчаяния.

Глава третья

Доктор, или как его там, входит в открывшиеся огромные ворота ангара. За ним шествует рота военных, до жути одновременно переставляя ноги, словно роботы, а не живые люди. Звук их шагов превращается в бой барабана, который в свою очередь сотрясает мои нервы. В том, что "роботы" – военные, не может быть никаких сомнений. Форма цвета хаки, военная выправка, полное обмундирование, оружие и отсутствующий взгляд, направленный в никуда. Я видела этот взгляд у дяди, в момент, когда он уходил в свои мысли и не замечал, что я наблюдаю за ним. Этот взгляд всегда будил во мне холодные мурашки и отправлял их в путешествие по телу. Взгляд пустоты и безразличия.

Мужчина, тот самый из больницы, останавливается в центре ангара, поднимает руку, и военные, одновременно приставив правую ногу, располагаются в три шеренги за его спиной. Доктор, заложив руки за спину, расхаживает перед нами из стороны в сторону. Он лучится счастьем, я вижу, как его распирает... гордость? Множество вооруженных людей стоят за его спиной, пустым взглядом смотрят в стену позади нас и по щелчку пальцев Доктора направляют на нас автоматы. Тут же отступаю назад и упираюсь в прутья моей мини-камеры. Невозможно оставаться спокойной (даже казаться такой), когда на тебя направлено оружие.

Сердце отбивает чечетку. Руки потеют. Ещё сильнее сжимаю полупустую бутылку воды. Мне страшно, дикий ужас происходящего атакует каждую клетку моего тела. Не могу отвести взгляд от Доктора, высокий широкоплечий мужчина пятидесяти лет, темные волосы с проседью уложены назад. Я бы сказала, зализаны. Кожа бледная, даже немного отдает синим, словно он долгое время не выходил на солнце. Карие глаза с морщинками вокруг них и тонкие губы, пытающиеся сдержать улыбку, которая то и дело проскакивает на лице. Белоснежный костюм кажется сюрреалистичным, черный галстук и черные запонки, белоснежные лакированные туфли. Именно таким я буду вспоминать его – ублюдком в белом костюме и с дурацкими шнурками на туфлях. Доктор прекращает ходить и, останавливаясь в центре ангара, говорит:

– Приветствую вас, мои дорогие... персонажи. – что? Персонажи? О чем он говорит? Но задать данный вопрос я не могу, металлическая конструкция на лице не дает такой возможности. Чувствую, как дыхание ускоряется, тревога, нервное напряжение, подкрадывающаяся паническая атака. Тем временем мужчина продолжает. – Добро пожаловать на Остров Избранных. – делает паузу и молча прохаживается туда и обратно. Останавливается, обводит всех нас взглядом и продолжает. – Тридцать отборных, смелых и безнадежно глупых людей. Но именно вы воплотили мою идею в жизнь. – полноценная улыбка, с нереально белоснежными зубами унитазного цвета, всё же расцветает на бледном лице.

Сердце останавливается.

Сейчас он скажет, что вообще происходит, происходило и будет происходить? Я так искала ответы, но не находила, а когда решила забросить эту затею, мне поведают то, чего я больше знать не хочу.

Это что, издевка судьбы?

Но сейчас карты переиграны, и я должна знать как можно больше, чтобы понять, как выбраться отсюда. Я вся превращаюсь в слух, отключаю остальные эмоции и снова подхожу к прутьям, чтобы быть как можно ближе к оратору.

– Вы успешно прошли проект Куб. – улыбается и кивает головой, словно поздравляет нас. – Дошли до Центра Всего и показали отличные результаты мозговой активности. При выработке искусственного стресса мы выявили главную функцию эндоканнабиноидов – синтез в мозге и действие на нейроны различных нервных центров. Проще говоря, мы нашли участок мозга, который практически не активен в обычной жизни, но мы прокачали его в лаборатории. С помощью наших опытов мы можем сделать человека более совершенным. – он начи-

нает говорить так быстро, что сбивается дыхание. А я чувствую себя подопытной, которой, собственно говоря, и являюсь. *Я – бедная несчастная мышка в клетке.* – Это прорыв в науке, но, к сожалению, мы не можем открыть это миру и рассказать о том, что человеческий мозг может существовать отдельно от тела. – *что?! Мозг отдельно от тела? Ничего не понимаю.* – Но это не в силах остановить нас. Вы прошли Куб и, благодаря показаниям ваших результатов, мы создали Куб 2. Это второй этап испытаний мозга в стрессовых ситуациях. – обводит нас взглядом и, улыбаясь, продолжает, а я чувствую, как пучина страха накатывает на меня, заворачивая в черный кокон. Голос Доктора доносится словно издалека, но я настолько внимательно слушаю его, что упираюсь лицом в решетку и, уронив бутылку с водой, хватаюсь за прутья. – Вижу, вам с трудом дается понимание моего рассказа. Но, пожалуй, я начну сначала. Немного предыстории. Все началось тридцать восемь лет назад. Куб – это то место, где вы были. Его придумал мой отец. Очень долгие годы он работал над этим проектом, но, к сожалению, он выбрал неправильный курс, и проект закрыли, а точнее, его запретили на законодательном уровне. Изначально цель проекта моего отца заключалась в том, чтобы помочь умирающему сохранить жизнь. Сознание человека отправлялось в Куб с помощью технологии, которая сейчас стала более совершенной, а тело подвергалось крионике. Проще говоря, человека замораживали, а для того, чтобы мозг продолжал работать, а не деградировать в прострации, его отправляли в Куб. Так появилось детище моего отца. Он корпел над этим двенадцать лет, но особого успеха не было, пока я не взял это в свои руки. Сначала я тоже пытался сделать доброе дело, но ресурсов не хватало, деньги было неоткуда брать, но я нашел спонсора. – Доктор замолкает и бросает взгляд на самую дальнюю клетку. Не вижу, кто там, но догадываюсь, что это Гаррет, ведь он единственный, кто знает куда больше остальных. – Нашел идеального спонсора: беспринципного, циничного человека, который был жаден до денег и власти. И то, что он предложил мне, перевернуло всю идею моего отца. Я до сих пор слышу голос Уорда в голове: "Это золотая жила". И это действительно так. Его предложение заключалось в том, чтобы предложить сильным мира сего развлечение, такое, которого больше никто не сможет им предоставить. Игра... Игра людьми, что может быть интересней? – *и правда что?* – Но пока проходила виртуальная достройка Куба и поиск идеальных кандидатов... мы искали везде: больницы, психиатрические лечебницы, тюрьмы, детские дома и дома престарелых. Когда был запущен первый пробный вариант Куба, кое-что пошло не так и, к сожалению, первые двенадцать персонажей погибли. И в Кубе, и в обычном мире. – голос ублюдка становится на октаву выше. – Мы не опустили руки! – *он фанатик!* – Доработали программу и протестировали её ещё раз. Всё получилось. Это было десять лет назад. Представляете, сколько времени и ресурсов было в вас вложено? – отрицательно качает головой, словно говоря сам с собой. – К тому моменту у моего спонсора закончились деньги, но у него по-прежнему были связи, и мы создали клуб для очень богатых и пресыщенных во всем людей, они платили деньги, смотрели шоу, делали ставки. А я совершенствовал Куб, моя идея заключалась в том, чтобы перенести его в наш мир и создать идеальных людей, которые будут быстрее, сильнее любого когда-либо жившего на земле. И мне удалось это сделать. – замолкает и проходит, ещё раз останавливаясь напротив меня. – Но вот незадача, все, кто когда-либо прошли Куб, проживали не больше года и умирали. Все эти десять лет... сотни... тысячи жизней... Мы всем стирали память, кроме вашего набора. Трое из вас запомнили всё, что произошло там, в Кубе. – слегка улыбается и отходит от моей клетки на небольшой, крошечный шаг. – Немного отвлекся. Но мы нашли и этому решение. В вашей голове находится капсула, которая дает вам исчерпаемый запас энергии, увеличивает силу, внимание, но... она действует только двадцать четыре часа, по прошествии этого времени капсула, – делает знак руками, словно бросает две щепотки соли, – взрывается. – под бешеный бой сердца отпускаю прут и трясущейся рукой нащупываю на затылке свежий шрам. *У меня в голове бомба.* – Для того, чтобы увеличить время работы чудо-капсулы, ваша задача найти вакцину и вколоть её себе. Так же капсула будет показывать нам все реак-

ции вашего организма. Удалить её невозможно. Попытаться... есть такая вероятность, но тогда ваша голова разлетится на маленькие кусочки. Мне бы не хотелось портить идеальный материал, который я искал двадцать шесть лет. – неожиданно хлопнув в ладоши и чуть не разорвав этим действием моё сердце, Доктор говорит. – А теперь приступим к знакомству. – небрежно машет рукой, и солдаты идут к клеткам. Доктор отходит от моей, пропускает девушку, которая быстро отпирает клетку, наставляет на меня автомат и кивает головой: "На выход".

– Не советую вам вести себя неблагоприятно. – сквозь своё затрудненное дыхание слышу голос Доктора.

Выхожу из клетки. По-прежнему трогая шрам, под которым спрятана капсула. Девушка пытается обойти меня со спины, но я поворачиваюсь вместе с ней. Недолго думая, она быстро достает пистолет и приставляет его к моему виску. Замираю я и моё дыхание. На лбу выступают капельки пота. Девушка расстёгивает металлический намордник, который с громким стуком падает вниз. Подношу руку к лицу, чувствую надавленные металлом линии. Нахожу глазами Рэя, Дерека, Челси и Гаррета, они находятся максимально далеко от меня. Коди совершенно пустым взглядом проводит по толпе. Меня он не узнает. Понятно – не доброволец. Но я тоже не доброволец, почему я помню случившееся в Кубе?

Плевать!

Главная проблема – бомба в голове!

Доктор уверенным шагом покидает ангар, военные сопровождают нас. Выходим на улицу. Здесь так прекрасно, что раздражает. Экзотические деревья и цветы заполнили всё пространство вокруг нас, их аромат издевательски заполняет нос. И только вытоптанная дорожка портит неприкосновенность природы. Нас выводят из леса. Вижу море. Твою мать! С каждой минутой всё хуже и хуже! Открытая вода – то, что оставит меня на этом острове навсегда. Очередная горсть страха заброшена в и так переполненную чашу.

Сжимаю трясущиеся пальцы в кулаки и иду дальше. Не замечаю, как Гаррет оказывается возле меня. Удивительно, но все тридцать человек молчат. Никто не пытается бежать. Мы просто послушно идем на убой. Что является виновником нашему повиновению? Страх, ужас, непонимание? Или что-то другое? Мной руководит страх, даже отрицать не буду. Голова готова лопнуть. *"Ой, надо быть повнимательнее к таким сравнениям, ведь она реально может лопнуть"*, от этих мыслей слабый толчок тошноты заставляет меня сбиться с шага.

Когда доходим до берега, нас выстраивают в две шеренги по пятнадцать человек. Я стою в первой и, смотря на Доктора, ненавижу его, для него мы просто "персонажи". Если верить его словам, то на его руках кровь сотен и даже тысяч человек. И ради чего? Ради того, чтобы больший ублюдок поиграл людьми словно куклами?

Расставив нас, военные встают за спиной Доктора и вновь поднимают оружие. Как минимум три дула автомата направлены мне в голову. От разглядывания оружия меня отвлекает уже до боли знакомый и противный мне голос:

– Моё имя Дэвид Дельгадо. – а-а-а зачем он сказал имя? Теперь я уверена, с этого острова живым никто не выйдет. – Я знаю имя каждого из вас, вашу историю, промахи, победы и поражения. Я знаю о вас всё! Знаю адреса и имена ваших родных и близких. – легкая улыбка растягивает тонкие губы. – И если вы сейчас подумали, что это угроза, то вы правильно мыслите. Это угроза. Многие из вас ничего не понимают. – бросает взгляд на Гаррета, который снова оказался справа от меня. – Кроме тебя.

Внутренне напрягаюсь, с Гарретом у меня будет отдельный разговор. Его я больше не боюсь, есть чудовища куда страшнее бывшего Падальщика.

– Мой отец уничтожит тебя. – с нескрываемой агрессией говорит парень.

– Не выйдет. Твой отец вышел из игры и больше не сможет ничего сделать.

– Ублюдок! – кричит Гаррет. – Мы так не договаривались!

– Ты сам захотел пойти в первый Куб.

– И что? Это было просто развлечение...

– А то, что ты подошел мне. Один из тридцати Избранных. Один из идеальных.

– Избранных кем?! – кричит Гаррет и делает шаг вперед.

– Мной. – спокойно отвечает Доктор, разворачивается и ищет кого-то глазами. – Элиза, милая, умири мистера Уорда.

Из-за спины Доктора выходит молодая женщина и направляется к Гаррету.

– Элиза, ты же знаешь меня. – говорит Гаррет, поднимая руки вверх и отступая назад.

– Ты всегда был придурком. – говорит женщина, подходя к Гаррету, достает из-за спины дубинку и, с громким "т-р-р-р-р", бьет Гаррета током. Он, дергаясь, падает на землю.

Отвожу от него взгляд и смотрю на чокнутого Доктора. Он фанатик! В этом у меня сомнений нет. Фанатик своего собственного культа псевдонауки. Нет ничего страшнее фанатично настроенного человека. Он же будет верить в свою идею до самого последнего вздоха, а возможно и после него.

– Помимо науки, к которой я склоняюсь больше, есть люди, которые жаждут развлечений. И мы с вами сопоставим две задачи в одно решение. Тест Куба 2, точнее капсулы, что находится в ваших головах, и развлечение сильных мира сего. наших уважаемых инвесторов.

– Это бред. – доносится из-за моей спины женский голос.

– О, нет, – отвечает Доктор. – Знаешь ли, есть люди, у которых есть всё. Их больше не интересуют такие аспекты, как искусство, похоть, путешествия, деньги. Они искушены. Им скучно... И тут в их жизни появился я и предложил вступить в элитный клуб. Вы не представляете, насколько вы популярны в определенном круге. И тут начинается игра, пока вы пытаетесь выжить и спасти себя, за вами неустанно наблюдают люди. Они делают ставки на то, кто дойдет до Центра Всего, кто как умрет. В этот раз даже поставили на любовную линию. – он улыбается мне. – Но Джорджина разочаровала нас и не показала пикантных моментов.

В голове всплывает образ: я и Рэй целующиеся, боже, я была голая. И всё это видели какие-то люди. Мерзко. Ранее Доктор сказал, что трое из нас помнят. Значит это я, Гаррет и Рэй... он знал, что за нами наблюдают. Чертов Рэй!

Всё, что говорит фанатик – ужасно. Но единственное, о чем я могу думать, так это то, что всё пережитое мной в Кубе было ложью. Этого места не существует, это все обман.

– Всё, что было там, это выдумка? – подаю я голос, который совсем не узнаю. Он тихий и хриплый, словно я вот-вот расплачусь, но слез нет и не будет. Ужас происходящего слишком сильно сомкнул когтистые лапы на моей шее. Мне не до слез. Возможно потом, но не сейчас.

– Нет. Выдумка только то, что вас окружало, всё остальное – реальность. Все поступки, действия и мотивы были вашими, на это мы, к сожалению, не могли повлиять.

– Это бесчеловечно. – говорит Челси.

– Что именно? – искренне не понимает Доктор. Для него мы персонажи – не люди.

– То, что вы заставили верить нас, вы играли нашими жизнями. – не унимается девушка. Доктор театрально вскидывает руку, смотрит на часы.

– Прошел час. – говорит он. – Приветствую всех, кто ранее не помнил Куба, сыворотка, которую вам вкололи, помогла воссоздать все события и осознать всю важность данного момента.

– Какая важность?! – повышает голос Челси. – Ты – конченный ублюдок!

Вот и стерва вернулась. Я ведь даже соскучилась по ней и рада, что нападки направлены не в мою сторону.

– Да, но ты очнулась, и ты здесь. Это несказанная удача. – говорит Доктор и снова складывает руки за спиной. Его глаза искрятся безумством, и я понимаю, что никакие мольбы или доводы не заставят его отпустить нас. Никогда.

– Для чего мы здесь? – спрашиваю я, пытаюсь увести внимание Доктора на себя и дать Челси остыть, иначе её тоже ждет дубинка Элизы.

– Для следующего тура. Видишь ли, не каждого человека можно отправить в Куб. – боже, как он любит говорить об этом чертовом Кубе. – Мы очень долго выясняли это, но в итоге пришли к тому, что несмотря на различность человеческого мозга, у некоторых особей есть одна определяющая черта. Я не буду объяснять вам, что и как работает, но всех вас, всех, кто был в Кубе, объединяет одно – вы Избранные.

– Избраны для чего? – спрашиваю я, до сих пор не до конца понимаю его мотивы.

– Для продолжения игры.

– Условия? – подает голос Рэй.

Доктор замирает, его взгляд становится совершенно другим, словно он услышал любимую мелодию и желает дослушать её до конца.

– А-а-а, Рэйлан. – находит глазами Рэя, стоящего во второй шеренге ближе к левому краю. – Соболезную, жаль, что ты не успел.

Что? О чем речь?

Оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Рэя и наблюдаю, как он срывается с места, толкает парня перед собой и с громким кличем несется на Доктора, но тут же в Рэя выпускают около десятка дротиков, и он падает без сознания, зарываясь лицом в песок.

– Куда он не успел? – спрашиваю я, пытаюсь подойти к Рэю, но передо мной возникает Элиза, треща шокером. Остаюсь на месте, периодически бросая взгляд на Рэя и пытаюсь восстановить дыхание. Оно такое частое, что начинает кружиться голова.

– Это тебе он сам скажет. – отмахивается от моего вопроса Доктор. – Итак. Заболтался я с вами. – подносит часы к лицу и говорит. – Пора начинать. В ваши головы трансплантирована капсула, которая стимулирует мышечную силу, без подзарядки данная капсула продержится сутки, если в вашу кровь не попадет своего рода "топливо", то она взорвется. По всему острову расставлены ловушки, препятствия, камеры и мирные места, там-то вы и найдете шприцы и ампулы с необходимой жидкостью. – он бредит. – Как только вы введете препарат, начинается новый отсчет времени. Вводите просто, втыкаете иглу в ногу, и дальше всё дело за препаратом. Ваша задача – продержаться три недели... но только шестеро из вас останутся в живых.

– Что?! – кажется я выкрикнула это, а Избранные начинают переговариваться, создавая гул голосов, который постепенно переходит в крики.

– Да. К сожалению, игра требует жертв. Наши инвесторы стали терять интерес к ненастоящей игре за жизнь, но они готовы щедро платить за настоящую борьбу. Очень щедро.

"Да вы с ума сошли! Какая игра?! Отпустите нас!" – подобные крики и шепот разносятся на песчаном берегу, но до меня они доносятся словно из другого мира. Я же молчу, они не отпустят нас. "Ни-ког-да!" – это слово молотом вбивается в корку моего сознания. Гаррет наконец-то встает на ноги, Рэй по-прежнему лежит на песке.

Голос Челси такой громкий, что остальные тут же замолкают:

– Отпусти нас!!!

– О, Челси, как бы я не хотел вас отпустить... у меня контракт. Я предоставляю тридцать персонажей. Не больше, не меньше.

– Возьмите других! – кричит девушка.

– Я выбрал именно вас. Ах, да, у вас будут конкуренты, их самолично отобрали наши великодушные инвесторы. Данные капсулы также вшиты в головы вот этим джентльменам и леди. – Доктор ведет рукой в сторону тропического леса, и оттуда выходят разношерстные мужчины и три женщины, одеты они так же как и мы. Пробегаюсь по всем глазам – их тоже тридцать. От взглядов мужчин становится жутко и мерзко. Один из них в упор смотрит на меня и облизывает губы, показывая свои гнилые коричневые зубы. Отвожу взгляд, так как тошнота уже стучится во мне. Даже не буду представлять, о чем думает этот человек.

– Это ваши соперники. – сообщает Доктор. – Можно сказать, противоположная команда. Эти джентльмены и леди желают свободы и знают, что для этого нужно сделать.

– Убить нас. – шепчу я, но Доктор слышит.

– И кого-то из них. – улыбается, смотря мне прямо в глаза. – Всё честно. По всему острову расставлены камеры, которые запечатлят все самые интересные моменты, но вы должны понимать, что главная задача – выжить.

Смотря на головорезов, расставленных так же в две шеренги напротив нас, понимаю, выжить невозможно. Последняя эфемерная надежда тает. Нам всем конец. Мелкая дрожь сотрясает меня, я окончательно потеряла контроль над своим телом и мыслями.

– Объясню условия Куба 2. Три недели, шестьдесят человек, выживут только шесть. К сожалению, с пятьюдесятью четырьмя придется попрощаться. – *он готов убить больше сотни человек, и у него даже глаз не дергается.* – Для выживания вам необходимо стимулировать капсулу, вшитую вам в голову, делать это нужно каждые двадцать четыре часа. Оружие для защиты и нападения вы найдете на острове. Сегодня я объявляю мирный день. С утра вам поставят первый укол, а дальше дело только за вами.

Разворачивается, но, не пройдя и десяти метров, оборачивается:

– Ах да, совсем забыл. На кону стоит десять миллионов долларов каждому победителю и... жизнь разумеется. Удачи, мои дорогие персонажи.

Примерно через тридцать минут два огромных здания встретили посетителей. В одном расположили заключенных, в другом подопытных из Куба. Как только последний человек вошел внутрь, бронебойные листы металла опустились, перекрывая выходы и окна. Откроются они только завтра в шесть тридцать утра.

Дэвид сидел в комнате наблюдения и рассматривал своих персонажей. У него есть буквально час до прилета инвесторов. И этот час он проведет за наблюдением.

Он нашел глазами Рэйлана Бейкера, он до сих пор без сознания. Его расположили в одной из тридцати маленьких комнат, расположенных в здании. Дальше Дэвид нашел Джорджину Джонс, его ставка была невелика, но деньги он поставил на неё. Он наблюдал, как девушка ушла в туалет, приблизил камеру, наклонился к монитору, и в этот момент Джорджина подняла свой взгляд и, кажется, посмотрела прямо на него через экран. Встала на облучок унитаза и сорвала видеонаблюдение. Дэвид откинулся в кресле, он не разозлился. Вовсе нет.

Улыбка. Предвкушение.

– Импульсивна – мне нравится. Что же с тобой сделает капсула? – рассуждал он сам с собой. – Очень интересно.

Дэвид весь час смотрел на людей в разных зданиях. Заключенные открыли запас дорого виски и всюю праздновали. Им терять нечего. А вот персонажи из другого дома вели себя иначе. Они не притронулись ни к еде, ни тем более к алкоголю. А зря, возможно, это последняя возможность насладиться благами цивилизованного мира. Так же Дэвид увидел, как Рэйлан встал и, качаясь из стороны в сторону, покинул отведенную ему комнату, он искал Джо, которая по-прежнему не попала ни на одну камеру, кроме той, что сбила.

Дэвид был бы рад понаблюдать за ними, но инвесторы уже подлетают. Отложив мышку, властитель Куба отправился встречать зрителей.

Глава четвертая

Пока нас вели по лесу под дулами десятков автоматов, у меня в голове беспрерывно звучал белый шум. Каждый сделанный мною шаг приближал меня к будущей кровавой расправе. *"Что же будет твориться на этом острове завтра?"* – от этой мысли становится жутко и тошно.

Когда Доктор удалился, я до последнего смотрела ему вслед и даже не заметила, как ко мне подошел Дерек. Он тоже здесь. Все здесь, за исключением счастливицы Лойс, которая не помнит пережитого ужаса и даже не подозревает, что происходит с нами сейчас. Губы парня шевелились, он что-то говорил, но я не слышала. Безэмоционально смотрела на его губы и попросила, не слыша даже своего голоса:

– Помоги Рэю.

Как я поняла, с позволения военных Коди и Дерек взяли Рэя под руки, и мы пошли.

Шли, шли и шли.

Всё это не может быть правдой. Но это правда. Это чертова страшная правда. Я – подопытная мышь. Мы все безвольные подопытные мыши. Пройдя дальше ангара примерно на пятьсот метров, мы дошли до двух больших зданий-прямоугольников стального цвета. В один ввели наших "соперников", нас же – во второй. Как только все тридцать человек оказались внутри, женщина по имени Элиза прокричала (но я это услышала из далекого далека): "Развлекайтесь, ребята, возможно, это последнее мирное время в вашей жизни!" Стоя в большом помещении, в котором нет ничего, кроме пяти длинных диванов, широкого прямоугольного стола с изобилием еды, напитков и одинокого плоского экрана на стене напротив диванов.

Громкий протяжный лязг привлекает моё внимание. Смотрю, как сверху с наружной стороны здания опускаются металлические листы и закрывают нас словно в ловушке. "Словно" – такое странное слово, которое в данном случае совершенно не несет никакой смысловой нагрузки.

Мы и есть в ловушке.

Я в ловушке.

За время, что я стояла и смотрела на лист железа, преграждающий выход, вокруг меня сновали люди. Кроме тридцатки избранных, в здании больше никого нет. Мужские и женские голоса сливались в один сплошной вой. Проходя мимо меня, парень случайно или специально толкнул меня плечом, и это привело меня в чувство. Обернувшись и посмотрев на моих союзников-противников, я почувствовала, как волна паники захлестнула меня с головой.

Я должна побыть одна. Срочно!

Дыхание ускоряется, сердце разгоняется. Резко срываюсь с места и, пробегая основную часть людей, удаляюсь в длинный коридор с множеством идентичных дверей, расположенных с двух сторон от меня. Добегаю до конца здания, упираюсь в дверь напротив. Открываю. Ещё один небольшой коридор. Слева и справа двери. Иду налево – туалет. Пять кабинок. Трясущейся рукой открываю первую и тут же запираюсь. Громкие вдохи и выдохи. Сейчас заплачу. Слезы уже готовы пролиться. Поднимаю глаза наверх, чтобы сморгнуть отвратительную влагу и натыкаюсь взглядом на камеру. Чертов ублюдок! Большой фанатик! Он поставил камеры даже в туалете! Злость кипит, паника нападает с новой силой. Странное ощущение того, что Доктор смотрит на меня, удушливым обручем вонзается в горло. Нет уж, сраный извращенец! Встаю на облучок унитаза, хватаюсь за черный предмет слежения. Со всей силы дергаю вниз, ломая конструкцию, но камера остается висеть, болтаясь на серых проводах. Обессилено спускаюсь с унитаза и, стекая по стенке вниз, хватаюсь за голову.

Что делать?!

Что мне делать?!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а!

Громкий крик подталкивает слезы, и вот я уже рыдаю навзрыд. Мне плевать, что кто-то услышит меня. Мне просто безразлично, что остальные подумают, что я сошла с ума.

Лучше бы сошла.

Вытирая ненавистные слезы, я тихо ненавижу себя. "Возьми себя в руки! Прекрати! Слезы никогда не были твоим союзником! Стоп! Хватит!" – но эти приказы не действуют. Нужно думать! Нужно скинуть пелену из головы, она мешает, она тормозит мой мозг.

Вступаю в диалог сама с собой:

– *Мои шансы?*

– *Благодаря тренировкам дяди Эрн, ты умеешь быстро бегать, кое-что понимаешь в оружии и даже умеешь им пользоваться, не всеми видами, но парой-тройкой да. В принципе, ты в неплохой физической форме. Чего не скажешь об эмоциональной.*

– *Это хорошо. И не хорошо.*

– *Определенно.*

– *Союзники?*

– *Их нет.*

– *Надо найти.*

– *Их нет.*

– *Враги?*

– *Пятьдесят девять человек.*

Упираюсь затылком в стену и, смотря на сломанную камеру, понимаю – шансы у меня призрачные. Даже если я смогу противостоять своей команде, то люди из противоположной точно свернут мне шею в самую первую встречу. Они даже не будут раздумывать. И отсюда назревает следующий вопрос:

– А смогу ли я?.. Смогу ли я убить? -шепчу в пустоту перед собой.

Гаррета смогла. Я ведь не знала, что всё не по-настоящему. Боже, я не хочу этого! Я не смогу! Или, что страшнее всего... смогу.

Эти мысли сметаю, как только я вспоминаю о родителях. Они не дождались меня. Я не вернулась домой. Мама переживает. Папа не находит себе места. Дядя, о, дядя Эрн, как бы я хотела, чтобы ты чудесным образом появился, как тогда, в детстве, и спас меня. Тогда я не понимала, что нахожусь в шаге от смерти, сейчас же я стою перед ней, чувствую зловонное дыхание разложений и гниений, понимаю – она пришла за мной.

Увижу ли я когда-нибудь родных? Ответ – нет. Я уверена, что даже если каким-то чудом попаду в шестерку победителей, нас не выпустят отсюда.

Ни за что и никогда.

– Хватит! – громко приказываю я себе и встаю на ноги. Утираю слезы и, выходя из кабинки, замираю.

Рэй.

Как давно он здесь?

Как долго я просидела в кабинке?

Рэйлан Бейкер стоит и смотрит на меня своими серо-зелеными глазами. Он не вовремя. Внутри меня такой раздрай: паника, злость, страх, ожидание неизбежного, старые обиды и новые недоверия.

Он лгал мне! Подсознание решает переключиться со страха на обиду и злость. Так легче. Так проще. Пережитое стимулирует меня, быстро преодолеваю расстояние между нами и со все силы толкаю Рэя, кричу:

– Лжец! Предатель! Убийца! – чувствую, как слезы вновь хотят скатиться по щекам.

– Успокойся. – спокойно говорит Рэй, удерживая мои руки и пытаясь рассмотреть что-то на моём лице. Но я знаю, что он там увидит: безграничную обиду, боль предательства и лжи.

– Успокойся?! – я задыхаюсь.

– Да.

Замираю и, смотря на то, как его руки удерживают мои, говорю:

– Я тебе верила. – каждое слово – надрыв. Почему-то мне жизненно важно, чтобы он понял, какую боль причинил.

– Мне жаль.

Отрицательно качаю головой.

– Нет, не жаль.

– Жаль. Я не мог сказать тебе правду.

– Мог.

– Не мог. Они всё видели. Все. Каждое моё слово, действие, они всё отслеживали.

Смотрю в его глаза и не понимаю, он что, действительно думает, что это оправдывает его?

– Ты – доброволец. – выплевываю это слово, словно яд. – Зачем ты пошел туда?

– Доброволец. – на мгновение отводит от меня взгляд и говорит. – Я пошел ради денег.

Вырываю свои руки из его хватки и отхожу, в этот момент открывается дверь, и просовывается голова Гаррета.

– Гаррет, уйди! – хором говорим-кричим мы, дверь тут же закрывается, но голос парня сообщает.

– Там все собираются в холле. У нас *собрание*.

Но мне плевать на слова Гаррета. Я могу только смотреть на Рэя и злиться. Мы должны поговорить. Даже если этот разговор и ответы Рэя окончательно добьют когда-то возродившиеся чувства к нему. Мне просто нужно знать его мотивы. И всё. Кажется, что стоит мне понять, что руководило им, и тогда станет легче. Собираюсь с силами и нарушаю тишину:

– Из-за денег? Ты убил меня... из-за денег?!

– Это было не по-настоящему. – слишком спокойно говорит он.

– Но! – тычу в себя пальцем. – Для! Меня! Это! Было! Настоящим! – у меня снова срывает крышу. Лучше бы не знала, что всё из-за денег. Вообще не полегчало, только хуже стало. – Ты не представляешь, что я почувствовала, когда ты направил на меня пистолет. – всхлип, но слез пока нет. – Я почувствовала предательство! – кладу руку на сердце. – Боль! – Рэй смотрит на меня и дает высказаться, и я перехожу на шепот – Неужели для тебя всё было игрой? Как ты мог? Неужели ты ни разу не задумывался о том, чтобы хоть как-то попытаться сказать мне? А тот поцелуй? Для чего нужен был он? Чтобы унижить меня ещё больше? Чтобы в итоге сделать большее?! – следующие слова срывают поводок Рэя.

Он подлетает ко мне и сквозь зубы с ненавистью во взгляде говорит:

– Если ты думаешь, что мне было легко, то ты ошибаешься. Я думал о том, чтобы рассказать тебе. Я тебе скажу больше... я засомневался. Я позволил себе быть с тобой тогда, когда не имел на это права. В то время, пока я медлил, давал тебе время прийти в себя после столба, когда обнимал тебя, целовал... меня постоянно терзало изнутри. Я облажался... я позволил себе это чертово время... просто лежать с тобой в обнимку, и никогда не смогу себе этого простить.

– Я не понимаю. – в глазах Рэя в самом низу появляются слезы. Их почти не видно, но глаза начинают сверкать так, что я могу увидеть его боль и даже почувствовать её.

– Хочешь узнать, как я попал в Куб? Да, я доброволец, ты уже знаешь, что туда так просто не попадешь. – вся злость уходит с лица Рэя, и уже более тихо, не отрывая от меня взгляда, он продолжает. – Я не знал о существовании Куба до того дня, пока Кенз не попал в аварию. – мой организм забывает дышать. Я даже не знала об этом. – Он возвращался домой с учебы, за рулем был его друг. Оба пьяны, скорость высока, один неаккуратный поворот руля, и они слетели с дороги. Их перевернуло шесть раз. Парень умер на месте, а вот Кенз был жив, но в его легкое воткнулся кусок металла. Его разместили в больницу, подлатали, но это не помогло, нужна

была операция, на которую у меня не было *чертовых денег*. Мою кровь взяли для переливания Кензу. Я ушел из больницы, через час заложил дом, продал старый пикап, но этого не хватило и на пятую часть нужной суммы для лечения. Вернувшись в больницу, я узнал, что Кенза ввели в искусственную кому. Я не знал, что делать. В тот момент я бы продал душу дьяволу. И, видимо, дьявол услышал мои мысли и послал ко мне Дэвида. Он появился, словно волшебник, и сказал, что поможет, я не сомневался ни секунды и уже через пять часов оказался в Кубе. Там я должен был найти Гаррета. Я нашел его, прошел ад, получил дар. Встретил тебя и... медлил. Я промедлил и не успел. Когда Куб был пройден, и я пришел в себя... первое, что мне сказал Дэвид: "Ты не успел, три часа назад твой брат умер, не дождавшись твоей помощи".

Его рассказ парализует меня. Кенз мертв? Рэй сжимает губы в тонкую линию, и, смотря в его глаза, я понимаю, что вижу тот же потерянный взгляд, что и в его доме, когда на нас напали люди Доктора. Тогда в его глазах я увидела слезы. Он был пьян. Он скорбел.

– Из-за того, что я позволил себе минутную слабость... я погубил брата. – делает ещё шаг ко мне, оказывается так близко, что я чувствую его дыхание. – И если ты думаешь, что я не хотел тебе сказать, или что всё, что было там, не имеет для меня никакого значения, то ты ошибаешься.

Я не могу представить, что творится в его душе, но также я не понимаю, что творится в моей. Зла ли я на него? Да, но теперь это не ярость, которая разъедала меня изнутри, теперь это тихий отголосок былой злости. Он пытался спасти брата – и не спас. Не знаю, как долго мы простояли, в молчании смотря друг другу в глаза. Я не знаю, что сказать, чтобы унять его боль, не знаю, что сделать, чтобы понять, что творится во мне.

Отвожу взгляд от его глаз и, смотря на его руку, протягиваю свою. Хочу утешить? Или просто понять, что я не одна? Или дать понять ему: "*Ты не один*". Мне больно вместе с ним. Когда до желанного касания пальцев остается сантиметр, стук в дверь уборной заставляет отдернуть руку. Голос из-за двери:

– Вы там долго? – спрашивает Челси.

Не отрывая от меня взгляда, Рэй отвечает:

– Идем. – и более тихо говорит. – Нам нужно держаться вместе.

Язык не поворачивается, и я просто киваю головой. Даже от мысли, что я не одна на этом острове, становится легче дышать, но смогу ли я доверять Рэю? Надеюсь, что да.

Покидаем туалет и, не говоря друг другу ни единого слова, идем по узкому коридору.

Выйдя в холл, насчитываю двадцать восемь человек. Кто-то сидит на диванах, кто-то стоит, сложив руки перед собой, Дерек расхаживает из стороны в сторону, увидев нас он, Коди и Челси тут же направляются к нам.

– Что будем делать? – спрашивает Челси, смотря на Рэя.

– Выживать. – отвечает он.

– Эй, ребят, я с вами. – говорит Гаррет и, подходя, поднимает руки вверх. – Рэй, не кипятись. В Кубе у тебя была цель, и у меня тоже.

– Развлечение – не цель. – говорит Рэй.

– Для кого как. – Гаррет пожимает плечами. – Но, поверьте, я отличный союзник, я знаю куда больше каждого из вас. А ещё у вас как раз таки не хватает шестого человека для полной обоймы победителей.

Голос с дивана привлекает наше внимание:

– Мы все должны держаться вместе. – это говорит светловолосый парень, по голосу понимаю, что это один из двух, кто тихо переговаривались в контейнере, так же это именно он сказал: "Умолкни" – истерившему парню. – Они же просто натравливают нас друг против друга, но пока у нас есть более опасные противники – те упыри с соседнего здания и, – прикладывает руку к голове, – чертовы капсулы в наших мозгах.

– А что потом? – спрашиваю я.

Парень смотрит на меня кристально-ясными голубыми глазами и отвечает:

– А потом выживет сильнейший.

Рэй спрашивает:

– Так что, держимся друг за друга? Кто за? – один за другим люди поднимают руки. Я тоже это делаю, хотя считаю, что это гиблая затея. Но если я сейчас пойду против них, то меня уберут первой. Я уже была всеобщей мишенью в Кубе, так что не собираюсь это повторять. Мне, как говорится, не понравилось.

Дождавшись, когда последний участник нашей огромной команды поднимет руку, Рэй говорит:

– Вот и отлично. Завтра, как только мы выйдем за пределы этого места, то держимся вместе и... убиваем противников.

Гнетущая тишина заставляет поежиться и отвести взгляд в сторону, натыкаясь на телевизор. Зачем здесь телевизор? Мой взгляд замечает девушка, которая рыдала в контейнере, и тихо говорит:

– Тут кнопка есть. – указывает рукой на нижний правый край экрана.

Гаррет отходит от нас, проходит через холл и, остановившись у телевизора, спрашивает:

– Может нам не стоит?

– Включай. – говорит Рэй.

Гаррет нажимает на кнопку, и экран оживает. Под напряженную музыку вижу картинку острова, вид сверху. Скорее всего именно на нем мы и находимся. Он огромен. Ближе к краям есть несколько построек, в центре лес, вокруг океан. Мужской голос за кадром говорит:

– Новая история. Старые герои. На кону жизнь. – на экран словно брызгает кровь, но она быстро пропадает, тем временем квадрокоптер спускается вниз, упираясь в зелень листвы, и на экране появляются фото людей из соседнего помещения. Голос за кадром называет имя, рост, вес и за что сидел тот или иной человек. *"Отлично это уголовники: террористы, насильники, убийцы"*. Когда на экране появляется физиономия мужчины, который облизывал губы, смотря на меня, узнаю, что его имя Рауль, просто Рауль, даже фамилии нет. Сорок один год, в заточении отсидел двадцать два года, был осужден за убийство родителей, младшей сестры и собаки. По его утверждению, это приказал ему Бог. На экране мелькают лица, имена и ужасные поступки сливаются в белый шум, а потом начинают показывать наши фото и наши заслуги в Кубе. Как оказалось с последнего Куба только мы шестеро и девчонка-плакса по имени Поппи, остальные с предыдущих "сезонов" Куба. Парень, который предложил держаться всем вместе, как и я, в своё время был Чистым, которого тоже убили в Центре Всего. Его имя Джервис Флауэрс, двадцать три года, участник предыдущего Куба. Моё фото появляется последним и как только говорят, что я тоже Чистая, Джервис впивается в меня взглядом, но я делаю вид, что не замечаю этого и смотрю на своё не самое удачное фото на экране.

Как только моя фотография исчезает, меняется кадр. Белоснежный песок, океан омывает берег, по кромке воды идет Доктор всё в том же белом костюме и говорит, расставив руки в стороны:

– Добро пожаловать на новый, беспрецедентный проект – Куб 2. Сейчас вы увидели наших персонажей, некоторых вы знаете, другие совершенно вам не знакомы, но все они собрались здесь... на Острове Избранных для того, чтобы явить вам свою отвагу и показать отменную борьбу за главный приз. – пока Доктор говорил это, он дошел до шести открытых серебристых чемоданов, где красуются идеально ровные стопки купюр. – Десять миллионов долларов и, – театральная пауза, – жизнь.

На этих словах камера резко улетает назад, снимая всё тот же песчаный берег, из леса выбегает самая опасная порода собак в мире – Тоса-ину. От внешнего вида этих собак душа уходит в пятки. Массивное тело, крепкая голова на короткой шее и сильная открытая пасть с пеной, которая разлетается при лае и клаяние зубов. Собаки бегут за камерой, раскидывая

песок, а голос за кадром зловеще говорит: "Да начнется адская гонка со смертью". Экран темнеет. Это словно трейлер к фильму, который я бы никогда не стала смотреть. Вот только персонажи – живые люди, жаль, что этот факт не имеет никакого значения для тех, кто это придумал и проспонсировал.

Голос Рэя:

– Мы все должны отдохнуть. – разворачивается, проходя мимо меня, берет мою руку и уводит за собой.

Я даже не сопротивляюсь. Я до сих пор не могу прийти в себя от произошедшего. Вся наша шестерка следует в одну из маленьких комнатушек. Гаррет запирает дверь и тихо говорит:

– Рэй, ты же их обманул?

– Да. Тут не может быть никаких союзников. – обводит всех взглядом, останавливаясь на мне. – Только мы. Никто больше. Ни при каких обстоятельствах.

Все кивают головой, я в том числе, но мне кажется, эти слова были предназначены только для меня и не касались остальных.

– А сейчас нам реально нужно отдохнуть, иначе завтра мы умрём самыми первыми. – говорит Дерек.

– Это ужасно. – возмущается Челси, бросает на меня взгляд. – И прости за то, что было в Кубе.

Даже не хочу больше об этом думать. Сейчас у нас куда более сложная ситуация, нет смысла зависать в прошлом.

– Забыли. – говорю я.

Как только Дерек открывает рот, отрезаю, не давая сказать ему ни слова.

– Дерек, забыли. Больше не поднимаем эту тему. Теперь у нас новая задача.

– Выжить. – с отстраненным лицом говорит Гаррет, и через секунду бросает на меня мимолетный взгляд. Не думаю, что он тоже хотел попросить прощение за то, что поспособствовал моей смерти в Кубе.

– Да. Выжить. – поддерживает его Рэй. – Делимся по двое и расходимся по комнатам. Один спит, второй караулит.

– Ты думаешь, что на нас могут напасть? – неверяще интересуется Коди.

Рэй тяжело вздыхает и устало проводит рукой по лицу.

– Все они понимают, что мы объединились между собой, и я бы на месте каждого из них убрал более сильного противника, а только потом стал браться за слабых. И эта ночь самый идеальный вариант убрать нас с дороги.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но Рэй останавливает меня:

– Джо. – он впервые назвал меня по имени. За все года, что я знаю его, за всё время в Кубе, он впервые назвал меня по имени. Кажется, что это такая мелочь, но я замираю на месте. – Ты останешься здесь.

– Это что, приказ? – спрашиваю я.

Он не отвечает.

Все уходят, и мы остаемся вдвоем.

Глава пятая

Остаемся наедине, сажусь на узкую кровать и наблюдаю, как Рэй подходит к двери и задвигает щеколду, которую я даже не заметила. Она такая маленькая и хлипкая, стоит приложить минимум усилий, и она отлетит. Бесплезная вещь, но даже она дает слабое чувство защищенности. Рэй подходит к правому углу комнаты и срывает низко висящую камеру видеонаблюдения.

Рэйлан Бейкер оборачивается и смотрит на меня. Пристальный, задумчивый, обеспокоенный и немного тоскливый – именно таким взглядом Рэй на меня смотрит. Становится неуютно, не знаю, куда деть руки, кажется, я сижу неровно, но если сейчас начну выпрямлять осанку, то он это заметит, да и вообще я выгляжу не очень, глаза опухли, а что с волосами, даже представить боюсь. Не выдержав, глубоко вдыхаю и спрашиваю:

– Почему ты так смотришь?

Рэй слегка щурит глаза и отвечает:

– Думаю, как правильно попросить прощения.

Неожиданно.

Откашлявшись, напоминаю ему:

– Помню, ты говорил, что не стоит слишком часто просить прощения, иначе слово "прости" потеряет свою магию.

– Я часто и не прошу. – не отрывая от меня взгляда, сообщает он.

Мои чувствительные нервы натягиваются, я знаю, за что Рэй будет просить прощение. Не хочу вспоминать про Куб, сцепив руки на коленях, быстро говорю:

– Если ты о том, что было в Кубе, то...

– Нет. – Рэй отрицательно качает головой. – Как бы это ни звучало, я бы всё сделал точно так же, возможно, поторопился бы... Но это уже в прошлом. Это больше не имеет значения.

Теперь я совершенно по-другому смотрю на его действия в Кубе. Уверена, я сделала бы всё возможное, если бы от меня зависела жизнь родного человека.

Возможно, я бы поступала хуже, чем он.

– Тогда за что просить прощения? – не выдержав затянувшейся паузы, спрашиваю я.

– Я не должен был быть с тобой грубым. Ты этого не заслужила. – хмурю брови. – Помнишь тот вечер, когда ты пришла перед отъездом в колледж?

В голове тут же всплывает его холодное безразличное лицо и ледяной голос: "Уходи". А ещё я помню свои чувства в тот вечер: обида, унижение, непонимание и огромная печаль по тому, что всё между нами закончилось.

– Очень хорошо помню. – более тихо говорю и отвожу взгляд на место, где ещё недавно была камера.

– Я не должен был грубить тебе. – чувствую, как кристально-чистый взгляд впивается в меня. – Твой выбор. Твоё право.

Мой взгляд моментально возвращается к лицу Рэя.

– О чем ты говоришь?

Искренне не понимаю, о каком выборе идет речь. Встаю с кровати и подхожу к нему, сократив расстояние на шаг. Комната маленькая, здесь нет ничего, кроме узкой односпальной кровати и двери. Воздух становится тяжелее и напряженнее.

– О том, что я не имел права злиться. – тихо говорит он, вглядываясь в мои глаза.

– Я искренне не понимаю, на что ты разозлился. – ещё тише чем он произношу я.

На мгновение Рэйлан отводит глаза и закусывает нижнюю губу, возвращает взгляд ко мне:

– Я увидел, как ты и Кенз целовались и...

Так, стоп! Нет! Что? Нет!

Ступор проходит быстро. Несмотря на то, что я стою в комнате, по ощущениям я только что прыгнула с обрыва. До сих пор чувствую ветер правды на своём лице.

– Но поцеловал меня он, не я. – брови Рэя сходятся на переносице, такое ощущение, что он даже не рассматривал такого варианта. – И это длилось буквально мгновение... – становится до жути неудобно. Одно дело, когда ты думаешь об этом про себя и совершенно другое, когда произносишь это вслух. – Я шла к тебе.

Его взгляд бежит по моему лицу, словно он видит меня впервые в жизни. Подхожу ещё на полшага и, всматриваясь в его глаза, повторяю более медленно:

– Рэй, я шла к тебе.

Кажется, цвет его глаз становится темнее.

– Звучит прекрасно.

– Но на деле оказалось ужасно.

– Определенно... – берет мою руку, и меня тут же прошибает от ощущения реальности происходящего. – Я ждал тебя.

Стоит ему сказать это, как я вообще не знаю, куда себя деть, дыхание спирает, сердце останавливается, грустно улыбнувшись, говорю:

– Звучит прекрасно.

Рэй прикрывает веки и сокрушенно качает головой:

– Я всё запарол.

– Да. – соглашаюсь я.

Тихий смехок Рэя:

– Вот сейчас ты со мной соглашаешься, а ведь всегда споришь. Даже там, в Кубе, ничего не помня, ты всегда со мной спорила.

– Сейчас не тот случай. Тут ты прав. Ты всё запарол.

Стоим друг напротив друга и печально улыбаемся, мне кажется, что мы думаем об одном. Столько времени потеряно. Столько слов не сказано. Столько упущено... а сегодня, возможно, последний день нашей жизни. Я слабо верю, что мы выберемся, и это страшно. Страшно понимать, что впереди ждет только ад... но ведь сейчас есть время, хоть его немного, но оно есть. И пусть я буду выглядеть глупо и наивно, но это время я предпочитаю провести с пользой.

Восполнить хоть частицу того, что было утеряно.

Рэй протягивает руку и берет мою вторую ладонь в свою, притягивает к себе и обнимает, упираясь подбородком в мою макушку. Обнимаю его за талию и, прикрыв глаза, слушаю ровное биение сердца. Моё, кажется, подстраивается под Рэя. Мне так спокойно. Почему люди так глупы, ведь если бы тогда мы поговорили, то всё было бы намного легче и проще. Тихие слова Рэя заставляют меня обнять его ещё крепче:

– Что бы ни случилось, что бы ни произошло, я вытащу тебя отсюда. – звучит как клятва, по рукам пробегают мурашки, а на сердце ложится новый камень. Он сказал желанную фразу, но кое-что упустил.

– И себя. – добавляю я.

Он молчит. Это настораживает.

– И себя. – настаиваю я.

– И себя. – соглашается он.

Поднимаю лицо, ловлю его взгляд и говорю:

– Я... наверное, тебя больше не ненавижу.

Рэй улыбается.

– Рад слышать. – кивает на кровать. – Тебе нужно отдохнуть.

– С тобой? – прикусив кончик языка, смотрю на Рэя.

Больше не произносятся ни слова, Рэй наклоняется ко мне и целует. Зажмуриваю глаза, в которых появляются слезы, и отвечаю на его поцелуй. Откуда слезы? Я не знаю.

С каждым прикосновением, движением губ, поглаживанием рук и стоном голоса за дверью перестают существовать, этот чертов остров, Куб, избранные и заключенные... больше ничего нет, только его упругие губы, дарящие мне блаженные ощущения. Руки блуждают по телу, снимая одну часть гардероба за другой.

А в голове только одна мысль: *"Мне мало"*.

Оказавшись в одном нижнем белье, а точнее в спортивном лифчике и трусиках-шортах, понимаю, что Рэй полностью одет. Так не должно быть. Оторвавшись от меня, смотрит в глаза и только открывает рот, чтобы что-то сказать, как я его перебиваю:

– Уверена я. Давно уже уверена.

Самодовольная хищная улыбка, глаза, горящие голодом, губы, припухшие от поцелуев – идеальная картина, возможно, самая эротичная в моей жизни. Рэй обхватывает меня за талию, поднимает на руки, и я обвиваю его торс ногами, чувствую, насколько сильно он желает меня, и это раскрепощает полностью. С тихим стоном прижимаюсь еще ближе, ещё теснее. Спинай чувствую прохладу двери, к которой оказываюсь прижатой, руки Рэя исследуют мои бедра, поднимаясь всё выше. Дыхание сбивается. Каждое его касание, словно огненное, оставляет за собой жаркий след.

Поцелуй не прекращается, он становится жизненно необходимым. Жадное, голодное касание губ переключается на покусывание, потом становится нежным и трепетным. И так по кругу, по второму, по третьему.

На мгновение отстранившись от меня, Рэй произносит:

– Держись крепче.

Я повинуюсь и ещё сильнее вдавливаю своё тело в тело Рэя, чувствую каждый изгиб, вот только одежда мешает. Хочу голое, горячее тело. Впиваюсь пальцами в плечи, и прохладная стена, которая распалилась от моего тела, исчезает.

Каким-то образом оказываюсь на кровати. Лежу на спине и получаю новую порцию поцелуев. Но целует Рэй не губы, он прокладывает жаркую дорожку по шее, касание губ возле уха заставляет сжаться пальцы на ногах. Снимает лифчик, и тот исчезает из поля моего зрения. Я вообще могу видеть только горящие животной похотью серые глаза с расширенными зрачками. Как только губы Рэя дарят очередной влажный поцелуй, прикрываю глаза, но тут же открываю их, я знаю, что сейчас будет. Медленно, слишком медленно снимает мои трусики и тут же склоняет голову вниз, неотрывно смотря мне в глаза. *"О-о-о"* – вырывается из меня. Спина выгибается, волна жара проносится по телу. Нет, вот эта самая эротичная картина в моей жизни. Рэй там снизу, смотря мне прямо в глаза делает невообразимые вещи. Руками хватаюсь за темные волосы, задевая идентичный моему шрам, под которым скрывается капсула, но в следующее мгновение забываю об этом. Рэю нравится трогать меня, я чувствую каждое касание, они не нежные – собственнические, немного грубые и такие желанные. Не понимаю, что происходит, теряю связь с реальностью и улыбаюсь, смотря в потолок. Рваные вдохи и выдохи. Ещё сильнее сжимаю пальцами волосы Рэя, не знаю зачем, но пытаюсь отползти выше, цепкие руки Рэя удерживают меня на месте, обхватив мои ноги на бедрах. Пальцы на ногах сжимаются, каждый нерв на пределе. Дыхание настолько сбилось, что я не понимаю, где нахожусь, все мысли ушли, и остался только жар... Один, два, три, и я взрываюсь.

Ноги дрожат, на губах улыбка, в голове – ни-че-го.

Рэй пропадает буквально на мгновение, возвращается, нависает надо мной сверху, и я понимаю, что на нем тоже нет одежды. Когда успел? Неважно, это-то мне и надо. Провожу руками по его плечам, улыбаюсь, опуская руку ниже и прикасаюсь к *нему*. Рэй громко вдыхает воздух через сомкнутые зубы, тут же жестко целует меня в губы, и я чувствую свой вкус на его губах.

Ноги ватные, но мне мало. Мало! Надавливаю на плечо Рэя, и он опускается на спину, а я забираюсь на него сверху. Смотрим друг другу в глаза, опускаюсь, и чувствую, как сантиметр за сантиметром Рэй заполняет меня. Губы приоткрываются, а вдох замирает. Руки Рэя сжимают мои бедра и помогают опускаться ещё ниже и задержаться там дольше, чем на мгновение. Одну руку Рэй оставляет на бедре, не позволяя мне подняться, а второй проводит по второму бедру, по животу, по груди, поднимается по шее к лицу, и я не понимаю каким образом, но его большой палец оказывается у меня во рту, и я сильно прикусываю подушечку пальца.

Срывается. Рэй срывается, и больше ничего не происходит медленно, опускает вторую руку на бедра и помогает мне опускаться и подниматься.

Быстрее, быстрее и быстрее.

Переместившись, Рэй садится и прижимает меня так крепко, что невозможно дышать. Да мне и не надо. Вдохи, стоны, внутри в самом низу живота поднимается новая порция жара, более тяжелая и желанная, но Рэй с тихим рыком, снимает меня с себя, и в следующую секунду я оказываюсь стоящей на коленях на кровати, Рэй сзади заполняет меня и, обхватив одной рукой вокруг талии, максимально близко прижимает к себе. Упираюсь руками в стену, и рука Рэя, появившись справа, опускается рядом. Он покусывает мне шею, и я в блаженстве закрываю глаза. Движения становятся резкими, быстрыми, и кажется, что я сейчас потеряю сознание, как рука Рэя опускается с талии, всего одно нажатие на центр естества, и громкий крик вырывается из меня. Чувствую, как Рэй, прижавшись ещё ближе, войдя ещё глубже, извергается в меня.

Голые, потные, счастливые продолжаем стоять на коленях плотно прижавшись друг к другу.

Дыхание сбилось и у меня, и у Рэя. Ленивая улыбка блаженства появляется на лице. Или она уже была? Рэй прижимает меня ещё ближе и обнимает, опускаю свои руки поверх его и откидываю голову ему на плечо. Хорошо. Идеально. Замечательно.

Его губы у самого уха и тихое, немного хриплое: "Идеальная", заставляют меня обернуться и поцеловать Рэя, на этот раз медленно и с безграничной нежностью. Отстраняюсь, оборачиваюсь, и он берет моё лицо в ладони, слегка хмуря брови, говорит, да так, что в это я верю безоговорочно:

— Ты нужна мне. — кажется, слова даются ему с трудом. Тяжело сказать такое, ведь это значит куда больше, чем банальное "люблю тебя".

Глава шестая

Если вы думаете, что оставшееся на отдых время мы спали, то это глубочайшее заблуждение. Сексом, к сожалению, мы тоже больше не занимались. Прележав в обнимку всего каких-то крошечных пять минут, мы вынуждены были одеться (кто знает, когда произойдет беда, а в одежде её встречать гораздо проще).

Но зато мы разговаривали.

Спокойно, так, словно всегда были близки.

Было очень много разговоров на совершенно разные темы. Строили планы о том, как спастись, что нужно делать и как себя вести на острове. Рэй десятки раз повторял мне одно и то же: *"Не мешкай, кто бы не стоял перед тобой, всегда выбирай себя. Только себя"*. И каждый раз я соглашалась, а внутренности скручивало тугим узлом ужаса. Я не хочу этого. Не хочу выбирать себя, взамен отнимая жизни.

Не уверена, что у меня получится.

Совсем не уверена.

Помимо мыслей и планов о выживании, Рэй рассказал о нашей первой встрече в Кубе. Тогда я была в ужасе от происходящего и не заметила, как он посмотрел на меня, но, по его словам, он был в шоке. Увидеть меня там, это последнее, чего он ожидал, но это произошло. Перед ним стояла четкая задача, найти Чистого и довести его до центра, свершить пророчество, и только тогда сделка будет считаться завершённой. Рэй прекрасно знал, что каждое его действие видит Дэвид, и не хотел показать, что я имею для него какое-то значение. Также у него были мысли о том, что меня подослали, чтобы сделать шоу более интересным и увлекательным. Он не имел права отвлекаться, каждую свободную минуту уходил из "дома", зарисовывал квадраты, пытался понять, где именно находится Центр Всего, ведь никто не знал, что карта будет на Чистом. Постоянно пробирался в лагерь Гаррета и узнавал, нашел ли тот второй Артефакт. Ради этого он прошел адские состязания за "дар", и он помогал ему несколько раз, в том числе, когда Рэй спас нас от чудиков. Он прошел там многое и был куда дольше, чем я. У него была цель – свершить пророчество, и только тогда Кензу помогли бы.

Он сделал всё, как и было уговорено, но брата не спас.

Порой наши желания и приложенные усилия, в итоге, не имеют абсолютно никакой ценности.

– Почему ты не дал понять, что знаешь меня? – спросила я тогда, лежа на узкой кровати и рассматривая наши переплетенные пальцы.

– Сначала я думал, тебя подослали, потом решил, что ты обижена на меня. Ведь ты сама никак не дала понять, что знаешь меня, вела себя как стерва... целовалась с Дерекком. Я в свою очередь был зол. Очень зол, увидев тебя с Дерекком, я подумал о Кензе, который находится на грани жизни и смерти... на тот момент я думал, что ваши отношения возобновились. Он говорил о девушке, с которой встречается, но не называл имени. Я решил, что это ты, был в этом уверен, ведь он постоянно повторял, что я знаю эту девушку.

– Почему ты решил, что эта девушка я?

И Рэй рассказал, что Кенз солгал. Солгал о том, что я сама его поцеловала в тот злополучный вечер, что я сказала о том, что хочу вернуться к нему. И когда Рэй увидел меня в объятиях Дерекка, посчитал меня последней тварью, которая дарит свою благосклонность всем подряд. Потом он узнал, что я ничего не помню о настоящей жизни, а после выяснилось, что я и вовсе являюсь Чистой.

Так же Рэй рассказал, что он получил деньги за победу в Кубе. Похоронил брата, и оказалось так, что на кладбище он был практически один. Его мать и отец даже не знали, что их младшего ребенка нет в живых. А не знали они по одной простой причине – им было плевать.

Родители Рэя разошлись, когда ему было десять лет. И он был этому рад, ведь их совместная жизнь никак не походила на нормальную. Постоянные ссоры, драки, алкоголизм отца и легкий нрав матери. В итоге не выдержала мать, она подала на развод и, оставив двоих сыновей с алкоголиком отцом, уехала жить со своим новым мужчиной на другой конец страны. Она не бедствует, живет в достатке, но никогда, ни разу в жизни мать не помогла своим сыновьям ни материально, ни морально. Отец тоже редко появлялся в доме, в основном он где-то пил. А когда появлялся, то просил денег, отсыпался и снова пропадал.

Рэй, будучи ребенком, воспитывал ещё большего ребенка – Кенза. Они жили впроголодь, но потом соседи заметили, что мальчишкам живется плохо, кто-то обратился в органы опеки, но, когда работники пришли к ним в дом, Рэй вылизал жилище до безупречного блеска, забил холодильник ворованными продуктами, и рассказывал взрослым сказки о том, как счастливо они живут, папа работает и никогда не обижает братьев. Он просто боялся, что если его и Кенза заберут, то он потеряет брата навсегда. А он не мог этого допустить. После того, как органы опеки забыли о семье Бейкеров, Рэй стал подрабатывать у соседей, кому-то стриг газон, выгуливал собак, помогал на стройках. Он делал всё возможное, чтобы выжить.

Его личный Куб начался задолго до того, как он о нем узнал.

На кладбище Рэй был один, потом пришли двое друзей Кенза и девушка, которая рыдала так, что он сразу понял, это и есть *она*. Та самая девчонка, про которую постоянно говорил брат. Рэй даже не сразу вспомнил эту белокурую девушку. Лишь в тот момент, когда она сама подошла к нему и заговорила, до него дошло, что это Алиша – девушка, учившаяся на два класса младше Кенза. Она очень изменилась. Из невзрачной малявки, которая постоянно бегала за Кензом и его друзьями, девушка превратилась в настоящую красавицу. Брат был прав, Рэй действительно видел её раньше, но до этого момента ни разу с ней не общался. Когда небольшая компания, объединенная общим горем, решила уйти с кладбища, приехала женщина и устроила концерт. Она бросалась на Рэя, кричала и винила его в том, что её сын мертв из-за Кенза, тот самый, что сидел за рулем с невероятной долей алкоголя в крови. Рэй не стал напоминать матери, потерявшей ребенка, что это именно её сын виновен в аварии, ведь никто не запрещает быть в нетрезвом состоянии будучи пассажиром.

Оставив рыдающую женщину, Рэй покинул кладбище, доехал на такси до города и купил мотоцикл, чтобы уехать из Хард навсегда. Выпив изрядную долю алкоголя, он позвонил матери, которая живет совершенно с другой семьей и сказал, что дом оставляет ей, просил не искать его, как будто она бы стала это делать. Он сообщил ей, что Кенза больше нет. Рэйлан ожидал сочувствия матери, поддержки, слёз, но единственный ответ прозвучал так: "Я перезвоню". Перезвонит! Услышав такое, Рэй взбесился, ему было непонятно, как родная мать может так наплеватьски относиться к смерти родного сына. Она сказала, *перезвонит*. Рэй рассвирепел и начал крушить дом, он вообще хотел спалить его, но тогда пришла я.

А позже нас схватили.

Мы лежали на узкой кровати, постоянно сцепляя наши пальцы вместе и разглядывая руки. Его большую и загорелую ладонь, и мою маленькую и более светлую.

В те минуты я думала лишь об одном, что произошедшее между нами всё только усложняет. Не из-за банальности, страсти или чего-то посредственного, а из-за того, что теперь я боюсь не только погибнуть, но и потерять его.

Новый камень на сердце.

Ещё один.

Более тяжелый и страшный.

Рэй закончил свой печальный рассказ, и какое-то время мы просто лежали. Не знаю, о чем думал Рэй, но я была в ужасе. Каждая частица меня хотела жить, дышать и чувствовать. Но едкий дым страха давал понять, что осталось мне недолго.

Нам осталось слишком мало времени.

Сирена прозвучала так неожиданно, что я вскрикнула, села и тут же закрыла рот рукой. Началось...

Глава седьмая

Громкий вой сирены заставил всех выбежать в узкий коридор. Она визжала так, что хотелось закрыть уши и спрятаться под тонкую подушку, но я этого не сделала. Как бы мне не было страшно, как бы не замирало дыхание и не потели ладони, я вышла из комнаты следом за Рэем и в потоке Избранных двинулась в холл. Толкая друг друга, изредка перешептываясь, мы добровольно шли на казнь.

По собственной воле переставляя ноги, движемся туда, где нас ожидают только боль и ужас. Почему мы добровольно туда идем? Ответ прост – страх. Некоторые говорят, что миром правит смелость или любовь, или сила духа. Нет, это просто красивые слова поэтов и глупцов, которые, сидя дома, придумывают высокопарные фразы.

Миром правит страх. Это я знаю не понаслышке. Всё время чувствую его каждой частицей тела и души.

Дойдя до холла, физически ощущаю всеобщее напряжение. Обводя взглядом Избранных, то и дело ловлю на себе ответные взгляды. От этого становится ещё более жутко, по их лицам могу судить одно, вчерашний разговор о сотрудничестве – это просто сотрясение воздуха. Никто ни с кем не собирается сотрудничать.

Они все мои враги.

Каждый из них – смертельная угроза.

На черном экране телевизора идет отсчет большими белыми цифрами: пятьдесят семь минут по одной секунде утекают в неизбежность.

Новый страх.

Новое волнение.

Старая задача – выжить любой ценой.

Рэй берет меня за руку и слегка сжимает пальцы, отвожу взгляд от экрана и смотрю в серо-зеленые глаза. Мы выживем. Должны. *Обязаны!*

Сирена замолкает только тогда, когда последний *персонаж* заходит в холл, и звук тишины тут же взрывается всевозможными голосами. Избранные словно пришли в себя: кто-то кричит, что это бред, и он не согласен на условия игры, кто-то рыдает, кто-то нервно расхаживает из стороны в сторону, наша шестерка стоит и наблюдает за этим, пока светловолосый парень, единственный Чистый, не считая меня, забирается на диван и кричит:

– Молчать! – постепенно наступает практически идеальная тишина, нарушаемая мерным отсчетом часов на черном экране. – Это чистой воды психология! Не будьте баранами и не идите на поводу у них! Мы договорились держаться вместе, вот и будем!

Толпа буквально заглядывает парню в рот. Но я понимаю, это только из-за того, что всем нужен лидер. Люди так устроены: они не хотят принимать сложные решения, они не хотят стараться добиться чего-либо сами, они просто хотят переложить ответственность на другие плечи. И Джервис Флауэрс дает им это плечо, а то и два.

Гаррет подходит к Рэю и тихо шепчет, прикрыв губы рукой от посторонних взглядов:

– Кажется, первенство у тебя только что отняли.

– Мне не нужно первенство. – отвечает Рэй, смотря на оратора Джервиса.

Гаррет театрально закатывает глаза и прикладывает ладони к щекам:

– Ах да, конечно, я и забыл, что святой Рэйлан и святая Джорджина – ангелы во плоти.

– Гаррет, закройся. – говорит Челси и, смотря на Рэя, спрашивает. – Что будем делать?

Гаррет оценивающе смотрит на Челси, бросает взгляд на меня и снова переводит всё внимание на девушку, говорит:

– Малышка Челси, я бы не советовал так со мной...

Девушка перебивает Гаррета и тычет в его грудь пальцем:

– Ещё раз назовешь меня "малышкой", и нас станет двадцать девять, но у тебя уже не будет возможности пересчитать оставшихся.

Губы Гаррета растягивает удовлетворенная улыбка, а Челси оборачивается к Рэю и ждет ответа, она не видит, что Гаррет по-прежнему оценивающе пялится на неё, а Коди в порыве злости сжимает руки в кулаки и испепеляет Гаррета взглядом.

– Когда нас отсюда выпустят, нужно держаться ближе к берегу, так по крайней мере мы не заблудимся, и основные постройки, – Рэй кивает на экран, – если верить видеоролику, находятся на окраинах, в центре острова просто лес, неизвестно, что нас там ожидает. Если видите какое-то оружие, тут же хватайте и бегите, еды и воды это тоже касается. И самое главное – вакцина. Как только найдете её, не вкалывайте сразу же.

– Почему? – спрашивает Дерек.

– Двадцать четыре часа на то, чтобы найти новую дозу вакцины. Если ты найдешь её через три часа и вколешь – это идиотизм.

– Согласен. – говорит Гаррет продолжая разглядывать Челси. – Отсчет идет с момента введения препарата.

Пока они разговаривают, я смотрю по сторонам и натываюсь на взгляд лидера-Джервиса, вокруг него собралось по меньшей мере пятнадцать человек, он, как и Рэй, дает указания, но, поймав его взгляд, я понимаю, мы в его команду не входим – мы противники. Думаю, его команда и вовсе состоит из одного человека – его самого.

Когда на часах возникает тридцать ноль ноль. Металлические пласты, закрывавшие нас от внешнего мира, поднимаются, и солнце освещает полную женщину, идущую с небольшой тележкой, как на борту самолета. Это настолько сюрреалистичная картина, что все замолкают. Подступаю ближе к Рэю и сжимаю его руку. В холле разносится только монотонный отсчет времени и скрип маленького колесика тележки. Всё моё внимание сосредоточено на переднем правом колесе, которое в сумасшедшем танце кружится вокруг своей оси и, не попадая в такт другим колесам, создает мерзкий скрип о пол. Неужели у инвесторов не хватило денег на новую тележку, или хотя бы на починку одного маленького колесика? Какие глупые мысли, но думать о колесе намного легче, чем о том, что находится под белой простыней на тележке.

– Доброе утро, птенчики. – говорит женщина и проходит к самому крайнему дивану.

Дверь остается открытой, может у нас есть возможность сбежать? Но женщина рушит все мои планы, которые даже не успели сформироваться в адекватную мысль:

– Итак, цыплятки мои, первое, у здания находятся сорок пять вооруженных людей, не советую пытаться сбежать, вас просто расстреляют – на смерть. Второе, добро пожаловать на Остров Избранных, вам несказанно повезло находиться здесь и участвовать в данном эксперименте. Учтите, если покажете себя во всей красе, то проект не закроют, в него вдохнут новую жизнь. – боже, что она несет? Все, кто работает на Доктора, больные на голову чудовища, даже эта румяная пышущая жизнью дама. – Третье, – скидывает скатерть с тележки, на верхнем подносе лежит куча черных часов, снизу шприцы и ампулы. – Это первая вакцина, как только я введу её вам, начнется отсчет двадцати четырех часов, эти часы помогут вам не пропустить следующий прием препарата, если вы его раздобудете, конечно. После введения сыворотки, буквально через час с вашим организмом начнут происходить интересные вещи.

– Например? – голос из толпы.

– Мы не знаем. – отвечает женщина.

– Что? – вырывается из меня.

Женщина находит меня взглядом и отвечает:

– На практике мы проверяли вакцину только на обезьянах.

– Как гуманно. – шепчет Челси.

В толпе начинаются перешептывания, женщина три раза хлопает в ладоши и вновь привлекает всеобщее внимание.

– Вакцина дойдет до капсулы и запустит её, она в свою очередь запустит участок мозга, отвечающий за силу и концентрацию внимания. На обезьян это действовало по-разному, одна из них сломала металлическую клетку и сбежала, многим удалось только помять решетку, а одна додумалась открыть её, хотя там был цифровой код. Вот так.

– Эта игра просто оставит сильнейших, а более слабых подопытных убьет. – громко говорит Гаррет со злостью в голосе.

– Да. – подтверждает женщина и присматривается. – Гаррет? Это ты?

– К сожалению. – отвечает тот.

– Вот незадача. – женщина пожимает плечами, садится на краешек дивана и громко говорит. – В очередь по одному!

Косо смотрю на Гаррета, что, если он подставной? Его тут каждая собака знает. Хотя-я-я если бы он был подставным, то не светил бы так своей осведомленностью. Или это специально, бросить пыль в глаза? Знаю одно, я ему не доверяю больше, чем всем остальным.

Рэй привлекает моё внимание:

– Рассредоточиваемся по очереди. Гаррет, потом Челси, Коди, Джо, Дерек и я. Таким образом действие вакцины закончится не одновременно. Возможно, в будущем это спасет нам жизни.

Это последнее, что я слышу от Рэя, толпа начинает толкаться, перемещаться, и меня просто уносит в центр этого безумия. Стоило мне оказаться одной, как сердце готово выскочить из груди и разбиться у моих ног. Стою, смотря прямо перед собой, а точнее, на затылок парня, который истерил в контейнере. Оборачиваюсь, но не вижу ни Рэя, ни Дерека. Позади меня стоит Чистый, наклоняется ко мне и тихо говорит:

– Если вы думаете, что я такой глупый и не понимаю вашего замысла...

– Какого замысла? – со злостью спрашиваю я. – Выжить?

– Не кипятись. Предлагаю альянс. Ты и я.

– Что? А как же остальные? – шепчу я. Вот вам и лидер, который собрал вокруг себя толпу, игра не началась, а он уже готов всех бросить.

– Как ты думаешь, почему именно мы были Чистыми? – задает он действительно интересный вопрос.

– Ты что-то знаешь?

Криво улыбаясь, отстраняется от меня и говорит:

– Хочешь узнать ответ – альянс. Если не подружмся, то тебя я уберу первой.

Разговор окончен. Смотря в его глаза, понимаю – он не шутит. Отлично! Просто, твою мать, замечательно!

Отворачиваюсь и иду вперед за дозой смерти. Отчетливо ощущаю, насколько близко стоит Джервис. Мне жутко оттого, что он находится за моей спиной, кажется, я чувствую его дыхание на своих волосах.

Моя очередь подошла, но я не могу сесть на диван, не могу дышать и даже моргать. Я ничего не могу, так как шок не дает функционировать телу.

Я могу только смотреть.

Смотреть, смотреть и смотреть на то, как седьмая девушка из нашего Куба лежит на спине за диваном, её глаза смотрят вверх, рот приоткрыт, а из шеи торчит ложка. Она мертва... Все звуки уходят на дальний план, слышу только биение своего сердца. Как много крови. Слишком много. Для кого-то это время было последним подобием мирной жизни, а для кого-то оно стало просто последним. Пытаюсь вспомнить её имя, но в голове пустота.

– Эй. – слышу я издали, потом кто-то резко дергает меня за руку, и я как марионетка опускаюсь на край дивана.

Не могу отвести взгляд от девушки. Её рука, повернутая ладонью вверх, между пальцев лежит чей-то длинный клочок волос каштанового цвета. Она не дожила даже до начала испытания. Её убили.

– Слышишь меня? – перевожу взгляд на женщину, которая держит в руках черные часы. – Дай руку.

Машинально протягиваю руку и снова бросаю взгляд на девушку. Это могла быть я, или Рэй.

– Я бы на твоём месте послушала то, что скажу я, а не смотрела на неё. Ей уже ничем не поможешь. – по тону женщины могу судить, она злится. – Её сердце перестало биться три часа назад, а твоё ещё не прекратило! Соберись!

Почему она кричит на меня?

Смотря в глаза женщине, я всё же вижу боковым зрением очертания тела на полу. Как о ней не думать? Рядом со мной лежит труп. Настоящий. Застегнув на мне часы, женщина говорит:

– Итак. Слушай внимательно! Первое, эти часы самое дорогое, что у тебя есть, они показывают идеальный отсчет времени, секунда в секунду. Им не страшны вода, удары, огонь. Второе, – достает ампулу, вскрывает её и наполняет шприц бордовой жидкостью. – Это твоя жизнь, вот так выглядит ампула, вот так шприц. – резко втыкает иглу мне в ногу, но я даже не вздрагиваю. Я слишком напугана, чтобы какой-то укол смог вывести меня из шокового состояния.

Женщина быстро вводит препарат и тут же нажимает на моих часах кнопку, расположенную сбоку.

– Отсчет пошел. – шепчу я, смотря на быстро бегущие секунды.

– Не переживай, вам уже легче будет.

– Почему? Что? – не понимаю я.

Пока она откидывает использованные инструменты, отвечает:

– Так вас уже не шестьдесят, а пятьдесят семь. С вашего дома убита, – кивает на девушку, – эта бедняжка, а с соседнего одна женщина и один мужчина.

– Как это произошло? – не уверена, для чего интересуюсь этим. Знаю одно – мне страшно выходить из этого здания. Я просто тяну время. Чертово время, которого у меня и так нет!

Секунду смотрит на меня как на полную дуру, но всё же отвечает:

– Эти мужчины – заключенные, у которых годами, а то и десятилетиями не было женщины. После изрядной дозы алкоголя они пошли за *десертом*. Она защищалась, одному выколола глаза, и он умер от потери крови, но, к сожалению, он пришел не один, и её насильовали до смерти, около трех часов, а потом так и оставили тело на полу в коридоре.

Я ничего не могу сказать. Наши соперники – нелюди, монстры, в человеческом облики.

– Следующий! – кричит женщина, это сигнал того, что мне пора. На ватных ногах встаю с места, но она останавливает меня. – За воротами дома стоят рюкзаки, бери один и беги как можно быстрее.

– Куда бежать?

– Куда угодно.

Джервис располагается на моём месте, подмигивает мне и говорит:

– Я жду ответа. У тебя минута.

Отворачиваюсь и словно зомби медленно иду к выходу. В голове полная неразбериха, страх настолько сильный, что я перестаю что-либо чувствовать, кроме всепоглощающего ужаса. Яркое солнце на мгновение слепит глаза. Прикрываю их рукой и слышу жуткий смех справа от себя. Оборачиваюсь и наблюдаю, как из соседнего дома выходит тот самый заключенный, что рассматривал меня, он отправляет мне воздушный поцелуй, и тошнота подкатывает к горлу. Отвожу от него взгляд, по бокам от меня стоит множество вооруженных людей, в конце живого коридора свалена куча черных рюкзаков. Ускоряю шаг, хватая первый попав-

шийся рюкзак, оборачиваюсь назад и вижу, как Джервис покидает здание и вопросительно выгибает брови. Отворачиваюсь. Справа в мою сторону идет заключенный, сзади Чистый.

Почему-то я думала, что нас расставят в какие-то шеренги, что-то скажут и только потом начнется адская гонка за жизнью, но они просто открыли вольер и выпустили нас.

Бежать!

Я не дождусь Рэя и остальных, к моменту, когда они выйдут, я буду уже мертва.

Дыхание спирает, голова идет кругом. Я словно во сне. В ужасно страшном сне.

Иду медленно, надеваю рюкзак. Слишком легкий. Не дожидаясь, пока противники кинутся в погоню за мной, срываюсь с места и бегу в лес.

Бегу так быстро, что не успеваю отодвигать ветки экзотических растений, и они больно бьют по лицу, кажется, левая щека порезана.

"Плывать! Плывать! Беги!"

Звук погони я слышу отчетливо. Каждый шаг отдается эхом в моей голове. Рваное дыхание. Отчаянное сердцебиение.

– За-а-айка! – по голосу понимаю, что это не Чистый, это заключенный Рауль. Адреналин бушует, скорость моего бега только увеличивается. Но я понимаю, что скоро выдохнусь, и вероятнее всего он догонит меня. Они догонят. Да и бежать впустую – это не дело.

Шестеренки начинают со скрипом шевелиться, и я понимаю, что должна как-то обмануть преследователей, ведь с такой скоростью я в легкую могу догнать и тех, кто вышел из домов раньше меня. Хорошо, если это будет Гаррет, Коди или Челси, и ужасно, если это будет кто-то другой. Неважно кто.

Шаг, второй. Легкие горят, резко сворачиваю влево, где-то там должен быть берег, но я даже не слышу звука набегающих на берег волн. Только хаотичное хриплое дыхание.

– Зайка! – дорогу мне резко преграждает заключенный, врезаюсь в него, сбиваю с ног, и мы вместе валимся в зеленую траву.

Вскакиваю.

Бегу.

Шаг, второй.

Падаю оттого, что он схватил меня за ногу. Лежа на животе отпинаваю Рауля, но промахиваюсь. Цепкие руки подтаскивают меня к себе и больно впиваются в бедра.

– А ты быстрая, зайка. – говорит он мне в волосы и тут же облизывает мою левую щеку. Из его рта разит смрадом и перегаром.

Меня сейчас вырвет. Обильно. Пытаюсь скинуть его, но я в крайне неудобной позе. Лежу на животе, а сверху на мне сидит здоровяк, который больше меня раза в два.

Обмануть хотела.

Не вышло.

Шарю руками по земле, но ничего нет, только зеленая трава, за которую я хватаюсь как за спасительную соломинку. Даже чертового камня нет. Почему в фильмах и книгах герои всегда находят камень, а я нет?

Заклоченный начинает задира́ть мою кофту и приспускать мои штаны, в памяти всплывает свежий рассказ женщины о том, что они изнасиловали беднягу до смерти. Пытаюсь вдохнуть как можно больше воздуха, одновременно отталкиваю мерзкие руки. Вдох не получается. Мою правую руку грубо заламывают назад и прижимают меня ещё ближе к земле. На мгновение прекращаю сопротивляться, делаю глубокий вдох и что есть силы кричу, но крик длится недолго, громила затыкает мне рот рукой. А вместе со ртом и нос. Легкие разогнались так сильно, что мне нужно в три раза больше кислорода, а он у меня и крохи забрал. Бьюсь изо всех сил, но они быстро заканчиваются.

Сжимаю траву в кулаке и чувствую, как заключенный опускает мои штаны до середины бедра.

Я больше не сопротивляюсь. Физически нет.

Нет сил.

Нет кислорода.

– Какого...

"Буц" – тело громылы придавливает меня сверху. "Буц, буц, буц" – с каждым звуком его тяжесть сильнее вдавливается в меня. Рука, затыкающая рот и нос слабеет, и я тут же откидываю её.

Хриплый глубокий вдох. Кашель.

В следующую секунду чувствую невообразимую легкость, тело здоровяка валяется рядом со мной. Переворачиваюсь на спину, трясущимися руками натягиваю штаны и наблюдаю за тем, как Гаррет по очереди смотрит на окровавленную ветку в своих руках и на неудавшегося насильника.

– Спасибо. – шепчу я и это пробуждает Гаррета от созерцания палки и заключенного, он переводит на меня взгляд, тяжело сглатывает и помогает мне встать.

Нет времени на мысли и рассуждения. Палка выпадает из рук Гаррета, но я тут же подбираю её, и мы снова бежим.

Мы бежим дальше и дальше. В итоге поняв, что заблудились, останавливаемся у огромного дерева и приваливаемся к нему спинами.

– Какого черта ты побежала? – задыхаясь, спрашивает Гаррет.

– Испугалась. – честно отвечаю я.

– Всем страшно, но ты бежала так, что я не смог тебя догнать.

– Адреналин. – не вижу смысла обсуждать мой марафон. – Нам нужно найти других.

– Они сами нас найдут.

Бросаю на него безразличный взгляд и напоминаю:

– Гаррет, мы не в Кубе, а я не свечусь, как рождественская елка, так что мы идем искать Рэя и остальных.

– Как скажешь, но, – подносит часы к лицу и говорит. – Скоро истечет мой час, и я должен найти более-менее укромное место и пережить соединение вакцины и капсулы. Мы не знаем, что может произойти.

Смотрю на свои часы, прошло сорок пять минут. А мне кажется, что мы бегаем сутки, не меньше.

– Хорошо. Сначала я покараулю тебя, потом ты меня.

И на этих словах моё тело взрывается адской болью. Я не могу сказать Гаррету, что мне больно, я медленно осаживаюсь на землю и хватаюсь руками за голову.

Рано. Ещё слишком рано! У меня ещё есть пятнадцать минут!

Но я чувствую, как пульсирует капсула в моей голове. Она нагревается. Хочу вынуть её. Мне больно! Она раскаляется до предела, и дикий крик вырывается из меня, чувствую слезы, стекающие по лицу. Боль утихает, и я позволяю себе утереть слезы, но, смотря на свои руки, понимаю – слез нет, мне это показалось.

Очередная волна боли, ещё более сильная, окончательно сбивает меня с ног, и я падаю на колени, вновь хватаясь за голову.

Голос Гаррета где-то в моей голове: "Уходим. Джо, бежим!" Но я не могу уйти, чертова капсула, она плавит мои мозги. Нашупываю место шрама и пытаюсь пробраться туда пальцами, я даже не чувствую боли оттого, что я фактически разрываю шрам на голове.

Передо мной ноги. Поднимаю глаза. Гаррет что-то кричит, протягивает ко мне руки и поднимает на ноги, а потом пытается добраться до моих рук и помешать мне вытащить капсулу. Ему не понять. Я не выдерживаю.

Я! Не! Выдерживаю!

Убираю одну руку от головы, замечаю на ней кровь и слегка отталкиваю Гаррета, но он с бешеной скоростью отлетает в большое дерево, ударяется спиной о ствол и обездвижено падает у основания.

Что я наделала?

Чьи-то руки из-за спины хватают меня за руку и отводят вторую от головы.

– Это я! – кричит Челси, тем самым спасая себя от незапланированного полета в соседнее дерево.

Всё прекращается так же неожиданно, как началось.

Боль уходит, словно ничего и не было. Бросаю взгляд на часы. Прошла всего минута. Адская минута моей жизни. Подлетаю к Гаррету, проверяю пульс – жив. Но без сознания.

– Челси? Где Рэй? – утираю сопли и понимаю, что это кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.